

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

А. В. Пшеничников

CONCEPT AND ESSENCE OF SOCIAL ABUSE

A. V. Pshenichnikov

Автор рассматривает феномен социального насилия с двух сторон – внутренней и внешней, что позволяет выявить его характерные черты, факторы, а также сформулировать его определение.

Author researches two sides of social abuse phenomenon – the inner and the outer, which allows him to identify the characteristic features and factors of social abuse, and to formulate its definition.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, социальное насилие, социальные ограничения, установление отношений принуждения.

Keywords: social interaction, social abuse, social restrictions, establishment of compulsion relationships.

Феномен социального насилия является достаточно разработанным не только в социальной философии, но и в смежных дисциплинах. Но, несмотря на это, а также на его очевидность и кажущуюся осязаемость, в науке отсутствует ясность и однозначность в определении его понятия, свойств, детерминант. Как указывал Н. И. Китаев, вопрос о месте социального насилия в истории и обществе всегда являлся предметом ожесточённой идеологической борьбы [8, с. 3]. Это, по нашему мнению, отнюдь не способствовало глубинному уяснению его сути, ибо внимание исследователей по разную сторону баррикад было занято по большей части идеологически-лояльной интерпретацией, своеобразной «войной определений» [7, с. 26]. Вышесказанное отнюдь не означает маловажность роли рассматриваемого явления в социальной реальности.

Методологическую основу в определении понятия и исследовании социального насилия выявил В. А. Тишков: оно носит коллективный характер, не являясь при этом суммой индивидуальных насильственных действий [15, с. 9]. Однако, первые определения были сформулированы ещё советскими учёными.

Наиболее общий подход был представлен в междисциплинарном труде «Война и армия»: «Социальное насилие представляет собой систему экономических, политических (включая военные) идеологических мер принуждения со стороны одних классов, государств по отношению к другим» [4, с. 52].

«Философская энциклопедия» понимает под социальным насилием «применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооружённого воздействия, форм принуждения в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий» [16, с. 551].

Ещё более развёрнутое понимание представил В. В. Денисов, утверждавший, что «своё конкретное выражение социальное насилие находит в применении или угрозе применения определённой группой, классом, государством, общественной системой различных форм, методов и средств прямого или косвенного принуждения и подавления (политических, экономических, военных, юридических и т. д.) в отношении других групп, классов, государств, общест-

венных систем с целью обеспечения захвата и удержания политической власти и экономического господства, приобретения и сохранения независимости и суверенитета, различного рода прав и привилегий, удовлетворения территориальных и других претензий, ограничения интересов противоположной стороны, навязывания кому – либо своей воли» [7, с. 6 – 7].

В. И. Красиков, исследуя насилие как междисциплинарный концепт, утверждает, что «насилие – непосредственное, физическое или психическое, противоборство, принуждающее взаимодействие, прямой либо дистантный контакт между основными участниками сшибки тел и воли. В нем, в итоге меряния силами (физическими или же волевыми), устанавливаются отношения «господства-подчинения» [10, с. 19]. Это активная фаза в агрессивном взаимодействии, заключающаяся в непосредственном физическом противоборстве, мерянии силами между участниками, в итоге которого определяется победитель и побежденный, господствующий и угнетаемый [10, с. 147].

Самым главным промежуточным выводом из вышесказанного будет следующий: насилие не самоцельно, оно является лишь средством достижения целей, находящихся за его пределами. Сказанное позволяет характеризовать исследуемое явление с двух сторон: объективной (внешней) и субъективной (внутренней), при этом внутренняя, целевая сторона представляет наибольший интерес.

«Насилие по самой своей природе есть не более чем орудие; как всякое средство, оно неизменно нуждается в наличии некоей направляющей цели, служащей к тому же его оправданием» [1, с. 330]. «...Насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода», – писал Ф. Энгельс [11, с. 164]. Под выгодой традиционно понимается приращение материальных благ. Однако, как можно было установить из анализа определений, блага могут быть не только материальными, но и морально-волевыми, связанными, например, признанием субъектности социальной группы. Таким образом, конечной, стратегической целью насильственного взаимодействия является установление наилучшего режима функционирования, создание наиболее благоприятных условий, в конечном итоге – удовлетворение субъективно значимых интересов индивида или социальной группы, которые могут быть разноразнонаправленными.

Социальная реальность жива общественными отношениями, и вне их рамок никакое взаимодействие невозможно. Наряду с вышеуказанной сверхзадачей, анализ подходов к проблеме социального насилия даёт понять, что к целям насильственного взаимодействия относят «приобретение и сохранение господства», «обеспечение захвата и удержания власти», «навязывание кому – либо своей воли», «установление отношений господства-подчинения». Всё вышеперечисленное укладывается в понятие «принуждение». По мнению выдающегося правоведа-административиста Д. Н. Бахраха, «принуждение можно понимать как отрицание воли подвластного и внешнее воздействие на его поведение. Поскольку команда не исполнена, нарушена воля властвующего, последний воздействует на моральную, имущественную, организационную, физическую сферу подвластного, чтобы преобразовать его волю, добиться подчинения» [2, с. 197]. Таким образом, непосредственной, ближайшей тактической целью применения насилия является подавление воли социального оппонента, перераспределение власти, изменение характера социального взаимодействия в сторону ассиметричных отношений, отношений принуждения на будущее. Если ранее уже имелся опыт противоборства, побед и поражений, достаточно памяти о нем и повторного предъявления, демонстрации силы и притязания, для того чтобы слабый безропотно подчинился [10, с. 148].

Господствующее положение позволяет беспрепятственно, без сопротивления со стороны угнетённого, устанавливать для себя наиболее благоприятные условия, использовать привилегии. Таким образом, установление отношений принуждения всецело служит сверхцели – удовлетворению интересов угнетателя. Другими словами, отношения принуждения «расчищают путь» к свободе действий.

Внешняя, объективная сторона, проявляется в «насильственном воздействии», которое, естественно, является экономически, политически, идеологически и иным образом опосредовано. Если господствующее положение добыто, то оно позволяет конструировать удобные общественные институты. Наиболее обобщенное и вместе с тем наиболее углубленное видение данного аспекта насильственного взаимодействия было предложено Г. И. Козыревым и Д. Галтунгом посредством разработки категории «структурное насилие» в противовес «прямому» (под которым понимается убийство, телесные повреждения, физическая блокада). Структурное же насилие – это «создание условий (структуры), ущемляющей потребности и интересы людей» [9, с. 85; 5, с. 34]. «Структура» представляет собой стройную совокупность общественных институтов, производных от воли вышестоящих социальных групп, посредством которых и оказывается насильственное воздействие. По нашему мнению, ярчайшим конкретным примером здесь является институт наёмного труда, ставящий значительные по объёму социальные группы перед необходимостью участвовать в обслуживании экономического воспроизводства, дабы поддерживать собственную жизнедеятельность. Таким образом, в наиболее общем виде под насильственным воздействием следует понимать создание угнетателем условий, оказывающих на угне-

таемого негативное воздействие в случае отрицания воли угнетателя, уклонения от навязываемых отношений принуждения. Эти условия соответствуют разработанному В. В. Михайловым понятию «социальные ограничения», системообразующим фактором которых является воля социальных элит к самосохранению и самоутверждению посредством закрепления социально-институциональной структуры, общественного строя [13, с. 22]. Помимо вышесказанного, принципиальная ограниченность бытия предполагает насилие личности над собой, проявляющееся в принятии природных и определённых социальных закономерностей, то есть самонасилия [10, с. 148; 6, с. 90 – 91]. В этом смысле, конечным субъектом, «конечной инстанцией» насильственного воздействия является его объект, в конечном итоге, не имея возможности уклониться, «уйти в никуда», покинуть социальную действительность, решает вопрос о подчинении или неподчинении насилию, о корректировке собственного поведения вразрез внутренним направленностям и изначально желательному способу функционирования. Субъектное насильственное воздействие находит продолжение во внутриобъектном.

Проведённый анализ позволяет выявить характерные черты насильственного взаимодействия.

Во-первых, это тип социального взаимодействия, предполагающий установление отношений неравенства.

Во-вторых, этому взаимодействию свойственна двойственность субъект-объектности. Общими субъектом и объектом являются социальные группы, что и придаёт такому виду насилия специфику. Однако, с каждой стороны присутствуют и непосредственные участники. Со стороны агрессора (субъекта социального насилия) – это социальные институты, приводящие в жизнь насильственное воздействие в целях сохранения установленного порядка [3, с. 516]. Они выражают доминантные направленности. С противоположной стороны непосредственными объектами являются отдельные индивиды, составляющую социальную группу, ведь стабильность подчинённости её функционирования обеспечивается «правильным» поведением каждого её элемента. Насильственное воздействие рассчитано на каждого индивида и не должно миновать ни одного из них. Относительно контекста существования непосредственных субъектов можно сказать, что социальный институт принуждения представляет собой механизм, «имеющий в виду» каждого «непосредственного угнетаемого» и срабатывающий каждый раз при отклонении последнего от «правильной» модели поведения, причиняя ущерб его интересам.

В-третьих, социально-насильственное воздействие может применяться как для установления отношений принуждения, так и для их поддержания. При этом можно говорить о его экспансионистском (завоевательном) и консервирующем (охранительном) характере соответственно. Возможность и способность систематического применения насилия является главным свойством отношений власти-подчинения. При этом насилие, исходящее от одной и той же социальной группы в зависимости от конкретной исторической ситуации может иметь разный характер. Как

указывал Н. И. Китаев, насилие буржуазии по отношению дворянства в период буржуазных революций является завоевательным, по отношению же к пролетариату в период социалистических революций – охранительным [8, с. 11].

Двустороннее рассмотрение феномена социального насилия позволяет выявить факторы, его обуславливающие.

Первой из них является существующая система общественных отношений. В определённый момент времени эта система перестаёт удовлетворять интересам агрессора. Осознание данного конфликта является движущей силой последующего насильственного взаимодействия. Прежде всего неизбежным становится определение основного виновника конфликта – личного или коллективного врага, на которого возлагается ответственность за нарушение баланса общественных отношений, за «несбывшиеся ожидания». Противник должен быть зримым, целостным социальным телом, «совокупной персоной». Параллельно с созданием «образа врага» идёт процесс формирования, чёткого очерчивания агрессором собственного социального тела [6, с. 94, 103, 107; 12, с. 43]. В. И. Гиренко, разрабатывающий проблему межнациональных конфликтов, отмечает, что, например, этническая группа, которую сами носители воспринимают как нечто целостное, в реальности такового не представляет. В ней сложно определить основной и исчерпывающий набор признаков, единый для всех её членов, которые, дают весьма различные характеристики того, что они считают «своим» [6, с. 104]. Сказанное в полной мере относится и к иным социальным группам, в особенности, если речь идёт о социальной стратификации, где признаки «своего», пожалуй, в большей степени подвижны и расплывчаты. «Такие слова, как «государство», «республика», «общество», «класс» и, далее, «суверенитет», «правовое государство», «абсолютизм», «диктатура», «план», «нейтральное государство» или «тотальное государство» и т. д., непонятны, если неизвестно кто *in concreto* должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова», – утверждал Карл Шмитт [17, с. 44]. В подобных условиях важное значение приобретает формирование готовых, упрощённых, наиболее общих признаков «своего» и «чужого». Таким образом, происходит стереотипизация и маркировка «коммунальных тел». Всё вышеперечисленное проговаривается и артикулируется, что обуславливает установление специфического дискурса. Возникающая в результате этого взаимная отчуждённость ведёт к усилению корпоративности, организованности противостоящих групп. Это та грань, за которой происходит определение путей дальнейшего развития конфликта, вошедшего в фазу реального его осознания множеством личностей.

Один путь заключается в рациональном поиске причин в структурном противоречии участников социального взаимодействия и стремлении изменить ситуацию рациональными действиями в отношении корреляции структурного дисбаланса. Другой путь заключается в воздействии на инициатора, активного агента, того самого «противника», чей образ сформиро-

ван, с целью его нейтрализации. На этой развилке важна именно артикуляция конфликта, точнее – какой путь представляется участникам конфликта более близким к реализации, более надёжным. В этом случае, по мнению Н. М. Гиренко, опора на культурные (формально доступные и данные в непосредственном восприятии) явления гораздо более эффективна, нежели рассуждения о системных противоречиях, конфликтах систем, которые, будучи доступными научному анализу, недоступны индивидуальному опыту [6, с. 94]. В свете сказанного выше насилие как естественная реакция на «зло» неизменно встроено в том или ином виде, в той или иной степени в отношении именно к некоему «чужому» [12, с. 43]. В этом случае может декларироваться тупиковость, то есть невозможность изменения существующего положения насильственным путём.

Устойчивая готовность (состояние) личности или социальной группы к нападению (агрессии) на других с целью нанесения физического или психологического ущерба либо уничтожения другого человека или группы людей именуется агрессивностью. Следовательно, агрессия является инструментом насилия, а агрессивность можно рассматривать как предрасположенность или готовность к насилию [9, с. 87]. В силу вышесказанного целесообразно введение понятия «социальной агрессивности», то есть устойчивой готовности социальной группы прибегать к насильственным методам для разрешения социальных конфликтов и достижения своих целей. Таким образом, вероятность выбора «второго пути» прямо пропорциональна уровню агрессивности данной социальной группы, и возвращаясь назад, нужно отметить, что стигматизация, обособление социальных тел на начальном этапе конфликта способствуют его повышению. Основным критерий, лозунг всех социальных революций состоит именно в приведение социальной реальности в соответствие с некой идеальной функциональной нормой, стремлении к созданию новой стабильности общественной системы путём нейтрализации дестабилизирующих факторов или их носителей. Естественно, подобные концепции получают развитие в общественных системах, находящихся в дисбалансированном, взрывоопасном, агрессивном состоянии. Напротив, вне разрушения социальной системы конфликта не происходит, и общественные отношения остаются в устойчивом равновесии [6, с. 103]. Противоположного же участника, как единственного из множества социальных субъектов, следует характеризовать с позиции «социальной виктимности», то есть свойства, выражающегося в причастности к «проблемным» общественным отношениям, в способе функционирования, вызывающем неудовлетворительную реакцию, в попадании в «сферу интересов» противника и предполагающим возможность явиться субъектом социального насилия вследствие этого. Если возвратиться к суждению о социально-структурной причинности конфликта, станет понятно, что виктимность соответствует «слабой стороне» структурного дисбаланса, то есть активному его агенту. Уровень социальной виктимности так же может варьироваться в зависимости от того, в какой степени этот участник является «помехой» агрессору. Вместе

с этим, в конфликтной ситуации возможен вариант, при котором стороны, стремясь к удовлетворению сходных или взаимоисключающих потребностей, сферы их интересов пересекаются, и по отношению друг к другу они выступают и как потенциальная жертва, и как потенциальный агрессор, проявляя, таким образом, и агрессивность, и виктимность. Более того, по мнению Н. М. Гиренко, существующее на момент конфликта положение дел, включая текущие статусы, отношения агрессивности-виктимности, хотя бы и являются совокупным результатом множества разнонаправленных действий, результирующей от множества общественных процессов, как было сказано выше, понимается, как правило, во внешне-конкретной, чувственно-данной форме, невидимые же системные процессы сложны для восприятия и остаются чаще всего непонятыми. Это непонимание системных причин характеризует обоих участников как «жертв обстоятельств», положение агрессора при этом также является вынужденным, и лишь нахождение на «сильной стороне» дисбаланса «даёт право» на артикуляцию и инициирование конфликта.

Во-вторых, это обладание «силой», то есть экономическими, политическими, идеологическими и иными средствами, потенциальная возможность создания принуждающих условий. Она должна явно осознаваться агрессором.

В-третьих, это способность и возможность применения насильственных средств вовне, в процессе социального взаимодействия. Следует иметь в виду, что насилие нуждается в апологетике. В этом контексте важное значение имеет разработанная Д. Галтунгом теория культурного насилия. Под культурным насилием понимается «любой аспект культуры, который может использоваться для легализации насилия в его прямой и структурной форме» [5, с. 37]. Он отмечает, что культурное насилие ведёт к тому, что структурное насилие начинает выглядеть и восприниматься, как справедливое или, во всяком случае «не дурное дело». М. В. Смагина говорит, что в этом случае насилие может превращаться в принцип социальных отноше-

ний, например, классовой и расовой ненависти [14, с. 8]. О культурном осознании и культурной интерпретации насилия говорит и В. А. Тишков [15, с. 14].

В целом, социальная среда и культурный контекст создают условия, вынуждающие личность как субъект общественных отношений, как составную часть социальной группы адаптироваться к установленному нормативному способу существования, самореализации [6, с. 91].

Таким образом, предлагается следующая система факторов-детерминант:

1. Когнитивный фактор. Выявление и осознание агрессором конфликта собственных интересов с существующей системой общественных отношений, оценка возможных вариантов его разрешения. Важную роль играет наличие в структуре этих отношений «видимого» виктимного противника.

2. Материальный фактор. Обладание потенциальной возможностью создания принуждающих условий относительно оппонента. Эта возможность также должна быть осознанной.

3. Ценностно-волевой фактор. Готовность, решимость воплотить насилие в рамках социального взаимодействия и, в случае необходимости, подкрепить и обосновать собственные насильственные притязания. Готовность эта основывается, с одной стороны, на оценке двух предыдущих факторов, с другой – может в значительной мере подпитываться социальной агрессивностью.

На основании изложенного предлагаем наиболее общее определение рассматриваемого нами явления. Итак, социальное насилие – это тип социального взаимодействия, заключающийся в создании одним из его участников (субъект социального насилия) условий, направленных на установление и поддержание служащих его экономическим и иным интересам отношений принуждения относительно другого участника (объект социального насилия) и оказывающих на последнего негативное воздействие в случае уклонения от этих отношений.

Литература

1. Арндт, Х. О насилии: хрестоматия / Х. Арндт // Мораль в политике. – М.: МГУ, 2004.
2. Бахрах, Д. Н. Административное право: учебник для вузов / Д. Н. Бахрах. – М.: БЕК, 1999. – 368 с.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Война и армия: философско-социологический очерк / под ред. Д. А. Волконогова [и др.]. – М.: Воениздат, 1977. – 416 с.
5. Галтунг, Д. Культурное насилие / Д. Галтунг // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1995. – Вып. 8.
6. Гиренко, Н. М. Морфология, идеология насилия и стратегии выживания / Н. М. Гиренко // Антропология насилия; отв. ред. В. В. Бочаров и В. А. Тишков. – СПб.: Наука, 2001.
7. Денисов, В. В. Социология насилия: Критика современных буржуазных концепций / В. В. Денисов. – М.: Политиздат, 1975. – 214 с.
8. Китаев, Н. И. Социальное насилие в современном классовом противоборстве / Н. И. Китаев. – Минск: БГУ, 1980. – 136 с.
9. Козырев, Г. И. Проблема насилия в теории, в массовом сознании и реальной жизни / Г. И. Козырев // Вестник Московского гос. университета. – 2000. – № 6. – (Серия 7, Философия).
10. Красиков, В. И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки / В. И. Красиков. – М.: Водолей, 2009. – 200 с.
11. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Издательство политической литературы, 1961. – Т. 20. – 858 с.
12. Мюрберг, И. И. Дискурс насилия: К. Шмитт против Х. Арндт / И. И. Мюрберг // Власть. – 2010. – № 5.

13. Михайлов, В. В. Сущность и система социальных ограничений: автореф. дис. ... докт. филос. наук / В. В. Михайлов. – М., 2007. – 37 с.
14. Смагина, М. В. Защита детей от семейного насилия в современном российском обществе: монография / М. В. Смагина. – Ставрополь: СГПИ, 2009. – 124 с.
15. Тишков, В. А. Теория и практика насилия / В. И. Тишков // Антропология насилия; отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. – СПб.: Наука, 2001.
16. Философская энциклопедия. – Т. 3 / гл. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 584 с.
17. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1.

Информация об авторе:

Пшеничников Андрей Владимирович – аспирант кафедры философии юридического факультета КемГУ, 8-923-623-26-88, andywheats@mail.ru.

Andrey V. Pshenichnikov – post-graduate student at the Department of Philosophy, Kemerovo State University of Kemerovo State University.